

Щерб[акову], Мал[енкову]»<sup>48</sup>. Можно предположить, что Маленков прямо из Малой столовой позвонил в «Правду» и продиктовал окончательный

вариант. На следующее утро, 1 июля 1941 года, постановление о создании Государственного Комитета Оборона было опубликовано в газетах.

## «Спальня Светланы»

Комната № 1 находилась в конце длинного коридора, ближе к хозяйственному крылу здания, и своим положением выделялась из состава остальных помещений, постоянно использовавшихся генсеком для проведения рабочих встреч. Видимо, еще при проектировании дома она предназначалась вождем для дочери.

Как только было закончено возведение первого каркасного дома, в этой 28-метровой комнате с двумя большими окнами и двустворчатой дверью на северную террасу смогла разместиться восьмилетняя рыжеволосая девочка. Если ее не радовала кремлевская квартира, то вряд ли ей могли понравиться все те же деревянные панели на стенах, широкие лакированные светло-коричневые подоконники и тот минимум мебели, что находился в комнате. У одного из окон стояла кровать с тумбочкой, у другого — диван. С высокого потолка свисала массивная бронзовая люстра<sup>49</sup>. Небольшие круглые столики, накрытые цветными скатертями, дополняли скудную обстановку. Лишь большой шерстяной ковер текинской работы на полу несколько скрашивал казенный интерьер.

Здесь дочь генсека часто бывала по праздникам и вплоть до июня 1941 года проводила часть летних каникул. Обслуживающий персонал дачи называл эту комнату «спальней Светланы». «Иногда летом, — вспоминала Светлана Иосифовна, — он [Сталин. — Авт.] забирал меня к себе в Кунцево дня на три, после окончания занятий в школе. Ему хотелось, чтобы я побыла рядом. Но из этого ничего не получалось, так как приноровиться к его быту было невозможно: он завтракал часа в два дня, обедал часов в восемь вечера и поздно засиживался за столом ночью, — это было для меня непосильно, непривычно. Хорошо было только гулять вместе по лесу, по саду; он спрашивал у меня названия лесных цветов и трав, — я знала все эти премудрости от няни, — спрашивал, какая птица поет. Потом он усаживался где-нибудь в тени читать свои бумаги, газеты, и я ему уже была не нужна, я томила, скучала и мечтала поскорее

уехать в Зубалово, где была масса привычных развлечений, куда можно было пригласить подруг. Отец чувствовал, что я скучаю возле него, и обижался, а однажды рассорился со мной надолго, когда я спросила: „А можно мне теперь уехать?“ „Езжай!“ — ответил он резко, а потом не разговаривал со мной, долго не звонил.

И только когда по мудрому наущению няни я „попросила прощения“ — помирился со мной. „Уехала! Оставила меня, старика! Скучно ей!“ — ворчал он обиженно, но уже целовал и простил, так как без меня ему было еще скучнее»<sup>50</sup>.

Начавшаяся война изменила быт сталинской семьи. Осенью 1941 года девятиклассницу Светлану Сталину эвакуировали в Куйбышев. Там, на Волге, она пробыла почти год, когда же изменилась обстановка на фронтах, вернулась в Москву.

Прибыв в Кремль, Светлана нашла отца в бомбоубежище. При их встрече имел место характерный диалог. «Отец не замечал меня, я мешала ему. Кругом лежали и висели карты, ему докладывали обстановку на фронтах.

Наконец, он заметил меня, надо было что-то сказать... „Ну, как ты там, подружилась с кем-нибудь из куйбышевцев?“ — спросил он, не очень думая о своем вопросе. „Нет, — ответила я, — там организовали специальную школу из эвакуированных детей, их много очень“, — сказала я, не предполагая, какова будет на это реакция. Отец вдруг поднял на меня быстрые глаза, как он делал всегда, когда что-либо его задевало: „Как? Специальную школу?“ — я видела, что он приходит постепенно в ярость. „Ах вы! — он искал слова поприличнее, — ах вы, каста проклятая! Ишь, правительство, москвичи приехали, школу им отдельную подавай! Власик — подлец, это его рук дело!..“ Он был в гневе, и только неотложные дела и присутствие других отвлекли его от этой темы»<sup>51</sup>.

Весной 1943 года произошли события, которые, по словам Светланы Иосифовны, навсегда разъединили ее с отцом — «мы стали относиться друг к другу отчужденно».

«3-го марта утром, когда я собиралась в школу, неожиданно домой приехал отец, что было совершенно необычно. Он прошел своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня, да так и приросла к полу в углу комнаты... Я никогда еще не видела отца таким. Обычно сдержанный и на слова и на эмоции, он задышался от гнева, он едва мог говорить. „Где, где все это? — выговорил он. — Где все эти письма твоего писателя?.. Мне все известно! Все твои телефонные разговоры — вот они, здесь! — он похлопал себя рукой по карману. — Ну! Давай сюда! Твой Каплер<sup>52</sup> — английский шпион, он арестован!“

Я достала из своего стола все Люсины записи и фотографии с его надписями, которые он привез мне из Сталинграда... „А я люблю его!“ — сказала, наконец, я, обретя дар речи. „Любишь!“ — выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову — и я получила две пощечины, — впервые в своей жизни. „Подумайте, няня, до чего она дошла!“ — он не мог больше сдерживаться. „Идет такая война, а она занята...!“ — И он произнес грубые мужицкие слова — других слов он не находил...

„Нет, нет, нет!“ — повторяла моя няня, стоя в углу...

„Как так — нет?! — не унимался отец, хотя после пощечин он уже выдохся и стал говорить спокойнее. — Как так нет, я все знаю!“ И, взглянув на меня, произнес то, что сразило меня наповал: „Ты бы посмотрела на себя — кому ты нужна?! У него кругом бабы, дура!“ И ушел к себе в столовую, забрав все, чтобы прочитать своими глазами<sup>53</sup>.

В тот же день, когда Светлана вернулась из школы, ей сказали, чтобы она зашла к отцу в столовую. «Отец рвал и бросал в корзину мои письма и фотографии. „Писатель! — бормотал он. — Не умеет толком писать по-русски! Уж не могла себе русского найти!“ То, что Каплер — еврей, раздражало его, кажется, больше всего...

Мне было все безразлично. Я молчала, потом пошла к себе. С этого дня мы с отцом стали чужими надолго<sup>54</sup>.

Четыре месяца после этого инцидента Светлана не встречалась и не разговаривала с отцом. В 1943 году она окончила школу и лишь тогда позвонила ему по телефону. В ответ Сталин приказал приехать.

«Я показала ему аттестат и сказала, что хочу поступать в университет, на филологический. Меня тянуло к литературе. И это же советовала мне Анна Алексеевна, наша школьная учительница.

„В литераторы хочешь! — недовольно проговорил отец. — Так и тянет тебя в эту богему! Они же необразованные все, и ты хочешь быть такой... Нет, ты получи хорошее образование — ну хотя бы на историческом. Надо знать историю общества, литературу тоже, это необходимо. Изучи историю, а потом занимайся, чем хочешь...“ Таково было его резюме<sup>55</sup>.

Через год влюбившаяся вновь дочь вождя сочеталась первым браком. Ее избранником стал студент Григорий Морозов<sup>56</sup>. По несчастливому для кремлевского горца стечению обстоятельств его зятем оказался человек нежелательной национальности. Как вы помните, этот брак усугубил последовавшие вскоре события, связанные с «делами» Михоэлса, Аллилуевых и Еврейского антифашистского комитета<sup>57</sup>.

«Весной 1944 года я вышла замуж, — вспоминала позднее Светлана Иосифовна. — Мой первый муж, студент, как и я, был знакомый мне еще давно — мы учились в одной и той же школе... Я ездила к отцу специально для разговора об этом шаге. С ним вообще стало трудно говорить. Он был раз и навсегда мной недоволен, он был во мне разочарован.

Был май, все цвело кругом у него на даче — кипела черемуха, было тихо, пчелы жужжали... „Значит, замуж хочешь?“ — сказал он. Потом долго молчал, смотрел на деревья... — „Да, весна... — сказал он вдруг. И добавил: — Черт с тобой, делай что хочешь“<sup>58</sup>. Отказавшийся от знакомства с зятем, генсек настаивал, по словам Светланы Иосифовны, только на одном: молодожены не должны жить вместе с ним. „Слишком он расчетлив, твой молодой человек... Смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют, а он, видишь, в тылу окопался“<sup>59</sup>. Именно поэтому молодая семья въехала в квартиру в знаменитом „Доме на набережной“. Брак был не очень долгим: в мае 1947 года Григорий и Светлана расстались».

Несмотря на громадные средства, расходуемые на содержание вождя, в начале 50-х годов о комнате Светланы на даче не могло быть и речи. Как вы помните, помещение было переоборудовано осенью 1951 года. К этому времени дочь была исключена отцом из «ближнего круга». Светлана Иосифовна уже не только не имела права на отдельную комнату на «Ближней», но и не могла по своему желанию связаться с отцом по телефону и приехать к нему ни на дачу, ни в Кремль<sup>60</sup>. В предпоследний раз она была на «Ближней» 21 декабря 1952 года, а в следующий — приехала уже к умирающему отцу.



На прогулке с дочерью.

Любопытно, что сразу после смерти генсека его наследники планировали облагодетельствовать «Хозяйку», закрепив за ней дачу «Волынское» с обслуживанием и выделив денежное довольствие в размере 4 тысяч рублей в месяц. К чести Светланы Иосифовны, она отказалась от такого дара. Сохранилось ее письмо, датированное 21 марта 1953 года и адресованное Маленкову как председателю Совмина<sup>61</sup>. Судя по всему, дочь диктатора так и не притерпелась к роли «Хозяйки», навязанной ей в свое время отцом.

С комнатой Светланы соседствовало помещение чуть большего размера — около 30 м<sup>2</sup>. Его приспособили под библиотеку: здесь была сосредоточена основная часть книг, хранившихся в Главном доме. В этой прямоугольной комнате с двумя окнами, выходящими на север, стояли в углу четыре больших книжных шкафа из мореного дуба. Шкафы эти сохранились; мы уже упоминали о них в главе «Первая комната». Каждый из них состоит из трех застекленных одностворчатых секций. На широких полках книги могли стоять в два ряда.

Всего на даче имелось более пяти тысяч книг. Еще больше их было в кремлевской квартире вождя. После смерти Сталина оба собрания были раскассированы. Часть книг, попавших в библиотеку Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и партийные архивы, сохранилась до наших дней. Перелистывая их, можно ознакомиться с пометками, оставленными генсеком в тексте и на полях. Другим томам, в основном из кремлевской квартиры и кабинета вождя, повезло меньше: долгое время они лежали под лестницей в здании Сената, а затем

были утрачены. По этой причине, рассказывая о сталинской библиотеке, мы вынуждены будем в первую очередь опираться на описи личного фонда Сталина и исследования историков, работавших с этим фондом.

Сталинские библиотеки формировались разными путями. Многие книги по заказу высокопоставленного читателя закупались за рубежом. При необходимости их доставляли из отечественных библиотек, чаще всего из «Ленинки». Бывало, Сталин и не возвращал туда книги<sup>62</sup>. Исследователями выявлены, по крайней мере, несколько десятков томов со штампами Государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина.

Итак, на постоянном хранении на «Ближней» находились книги по истории, философии, экономике и политике, по актуальным вопросам науки и техники, художественная литература. Здесь же были материалы съездов партии, стенограммы пленумов, экземпляры Конституции СССР 1936 года и многое другое — например, с десяток толковых словарей иностранных слов. Среди них имелось несколько дореволюционных: «Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов» Н. Дубровского (Москва, 1905 год), два издания «Полного словаря иностранных слов», составленного Бурдоном и Михельсоном, выпущенные в 1899 и 1907 годах, словарь Ф. Павленкова в двух экземплярах.

В книжном собрании генсека присутствовали раритеты, в частности «Евгений Онегин» издания 1837 года. После смерти вождя том был передан в «Ленинку».

Известно, что Сталин почитывал труды политических противников. Так, у него хранилась книга Каменева о Чернышевском, изданная в 1933 году в серии «Жизнь замечательных людей», с примечательным штампом «Книгохранилище УСО ГУГБ Н.К.В.Д.». Генсек внимательно следил за сочинениями находившегося в изгнании Троцкого. Естественно, Сталин был знаком и с более ранними произведениями своего врага № 1. Широко известный факт: на страницах книжки «Терроризм и коммунизм», там, где автор восхваляет революционное насилие, генсек оставил пометки: «Так! Метко! Так!»<sup>63</sup>

Чтение с карандашом в руках было характерной чертой вождя. Пометками, сделанными красным, синим, желтым, зеленым, простым карандашом и даже фиолетовыми чернилами испещрены страницы книг сталинской библиотеки. Судя по этим пометам, ко многим произведениям

генсек обращался неоднократно. По свидетельствам современников, читал Сталин много. Посетивший «Ближнюю» в конце марта 1956 года, сразу после XX партсъезда, Шепилов рассказал одному из авторов этой книги следующую историю. Принимая Шепилова у себя на даче в мае 1950 года, вождь поинтересовался: «Вы любите читать художественную литературу? Сколько в день можете прочесть страниц, никогда не считали?» «Я опешил, — вспоминал Дмитрий Трофимович, — никак не ожидал такого вопроса.

Сталин улыбнулся, и сам ответил на свой вопрос: „Нам ежедневно приходится сталкиваться с самыми различными проблемами, и мы должны быть готовы правильно эти проблемы решать. А чтобы правильно решать, надо много читать, в том числе и художественную литературу. Вот, например, Владимир Ильич читал в день 600 страниц и мне советовал. Я стараюсь читать четыреста и вам советую. Наша работа этого постоянно требует. Очень вам советую читать больше“, — улыбнулся Сталин на прощание»<sup>64</sup>.

Шепилову вторили другие партийные и советские функционеры. Громько<sup>65</sup>, сообщив о начитанности вождя, увеличил количество страниц, прочитываемых Сталиным за день, до 500. «Его начитанность, эрудиция проявлялись не только в выступлениях. Он знал неплохо русскую классическую литературу. Любил, в частности, произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина... Судя по моим некоторым наблюдениям, Сталин был знаком с книгами Шекспира, Гейне, Бальзака, Гюго, Ги де Мопассана — и последнего он очень хвалил, — а также с произведениями многих других западноевропейских писателей. По всей видимости, много книг прочитал и по истории. В его речах часто содержались примеры, которые можно привести только в том случае, если знаешь соответствующий исторический источник.

Одним словом, Сталин был образованным человеком и, видимо, никакое формальное образование не могло дать ему столько, сколько дала работа над собой. Результатом такого труда явился известный сталинский язык, его умение просто и популярно формулировать сложную мысль»<sup>66</sup>.

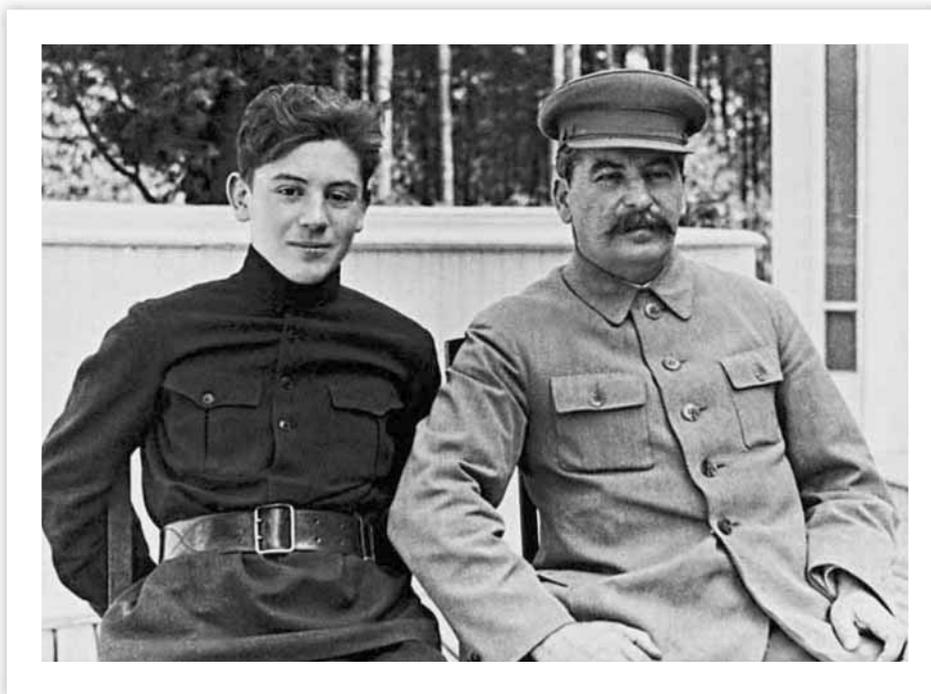
Действительно, при случае вождь любил щегольнуть книжным словцом. Авиаконструктор Яковлев<sup>67</sup> вспоминал, что в первые годы их знакомства Сталин рекомендовал ему книги, которые следовало бы перечитать. Однажды, характеризуя неких работников, он заметил: «Вот еще

Мильтиад и Фемистокл из Замоскворечья!» Убедившись, что Яковлев не знает, чем отличились эти древнегреческие полководцы, Сталин достал из книжного шкафа том энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, отыскал статью «Фемистокл», указал пальцем нужное место и приказал читать вслух. Яковлев прочел о Фемистокле, не спавшем ночами из-за славы Мильтиада после Марафонской битвы. «Как известно, оба они кончили печально, — заметил Сталин. — Так и наши доморощенные, замоскворецкие, — завидуют один другому, а дело страдает»<sup>68</sup>.

Заметим в связи с комплиментарными характеристиками вождя, что самообразование — не панацея, как бы долго оно ни длилось. Отсутствие сколько-нибудь регулярного среднего образования и серьезной вузовской подготовки зачастую негативно сказывалось как на практической деятельности Сталина, так и на многих его теоретических построениях. Восполнить этот пробел путем самообразования так до конца и не удалось. Не помогли и попытки домашнего обучения, хотя интенсивные занятия позволяли ему до определенной степени ориентироваться в сложных научных проблемах. Ничем иным, кроме изначальной невежественности вождя в фундаментальных естественно-научных вопросах, нельзя объяснить невероятное возвышение блестящего интригана «народного академика» Лысенко и одновременное уничтожение всемирно признанной растениеводческой школы Вавилова. Грубейшим системным просчетом генсека были и действия по объявлению кибернетики «буржуазной лженаукой». В таких ситуациях не могли помочь ни таланты Сталина как политика и организатора, ни его блестящее чутье лидера.

Вождь, несомненно, скопил определенный багаж знаний в разнообразных областях. Но его познания были по большей части фрагментарными, основывались на отрывочных сведениях из книг либо суждениях специалистов, высказанных в ходе рабочих встреч. В качестве примера возьмем военную технику, знанием которой вождь так гордился. Действительно, в библиотеке Сталина было собрано значительное количество книг по вооружениям. Тем не менее вождь, случалось, допускал элементарные ошибки.

Примеры, в частности, находим в мемуарах Яковлева и дневнике Малышева. Яковлев воспроизводит в своих воспоминаниях встречу с вождем в марте 1943 года. Речь шла об истребителях. В ходе беседы Верховный главнокомандующий



Сталин с сыном Василием на северной террасе «Ближней». Фотография Н. С. Власика.

взялся сравнивать советские истребители с английским «спитфайром» и американской «аэрокоброй». Когда он назвал данные самолета «спитфайр», Яковлев, полагая, что имеется в виду разведчик, дальность полета которого 2 тысячи километров, сказал, что этот самолет не истребитель и не имеет стрелкового оружия. На это Сталин возразил: «Что вы ерунду говорите? Что я ребенок, что ли? Я говорю об истребителе, а не о разведчике. „Спитфайр“ имеет большую дальность, чем наши истребители, и нам нужно обязательно подтянуться в этом деле»<sup>69</sup>.

Верховный в данном случае перепутал самолеты, но спорить с ним никто не рискнул. Такого же плана ошибки он допускал в наставлениях конструкторам танков.

На этом фоне совсем не удивительным оказывается на первый взгляд парадоксальное утверждение Конева: «Сталин очень верил людям, как это ни странно звучит. Он был очень доверчивым человеком. Это была своеобразная сторона его мании величия, его очень высокого мнения о самом себе. И, когда он смотрел на человека, разговаривал с ним, он считал, что человек, глядя ему в глаза, не может ему соврать, что он должен сказать ему правду и говорит ему правду. Вот почему он оказывался доверчивым, и люди преспокойно ему лгали и втирали очки»<sup>70</sup>. Таким образом, отсутствие системного, фундаментального образования и завышенная само-

оценка вождя позволяли близкому окружению обезопасить себя, если конечно же вопросы не касались главного — власти.

Недостаток образования генсеку удавалось частично компенсировать за счет иных качеств, в частности требовательности к работе своих соратников и подчиненных. «Я вижу, вы спокойную жизнь любите, — говаривал вождь, „подбадривая“ проштрафившегося работника. — Тогда вам надо на кладбище. Там покойники не будут с вами ни о чем спорить и ничего от вас не потребуют»<sup>71</sup>. Описаны случаи, когда вождю удавалось поразить воображение специалистов. Например, требуя доклада у командующих фронтами, он предварительно «снял» информацию у командующих армиями и, естественно, в ходе бесед изумлял своих генералов глубоким знанием обстановки на их фронте, вплоть до мелких деталей. Впрочем, здесь также бывали осечки. Жуков в мемуарах упоминал о таком эпизоде. В 1941 году Сталин, получив сведения о том, что противник занял подмосковную деревню Дедово, перепутал ее со стратегически важным крупным железнодорожным узлом Дедовском и потребовал, чтобы генерал лично отбил населенный пункт у врага. Этот же пример Жуков приводил для доказательства ошибок Верховного в первые годы войны: «О непонимании Сталиным основ управления войсками можно многое рассказать из истории оборонительных сражений за Москву... Берия

доложил Сталину, что немцы захватили деревню Дедово и Красную Поляну. Сталин, вызвав к телефону меня и Н. А. Булганина, изругав как полагалось, приказал немедленно выехать мне в Дедово, а Н. А. Булганину в Красную Поляну и взять обратно эти деревни. Наши попытки доказать невозможность в такой тяжелый момент бросать командный пункт и управление войсками фронта были встречены угрозой расстрела. И в то время, когда мы с Н. А. Булганиным брали эти деревни, не имеющие никакого значения, противник прорвал фронт в другом месте — в районе Нарофоминска, ринулся к Москве и только наличие резерва фронта в этом районе спасло положение»<sup>72</sup>.

Вернемся к сталинским шкафам и продолжим знакомство с находившимися там книгами. Вот выпущенная в 1946 году книга Александра<sup>73</sup> «История западноевропейской философии» — подарок вождю от автора. На его беду, книга генсеку не понравилась: том испещрен пометками «ха-ха!», сделанными красным карандашом<sup>74</sup>. Там же, на полях, Сталин начертал указание Жданову разобраться с «философией» автора<sup>75</sup>. О своем негативном впечатлении от текста генсек не преминул сообщить автору, причем публично, в присутствии других работников идеологического фронта: «Я хотел еще сказать относительно вот этой книги. Она не понравилась мне. Неудачная книга получилась. Читал ее и тов. Жданов. Она ему также не понравилась. Это написал не боевой марксист, а книжник... Досадно, что такая книга появилась»<sup>76</sup>.

Были в собрании и тома, дарственные надписи на которых выполнены рукой самого владельца библиотеки. В частности, они обращены к детям вождя. Так, на обложке книги Б. Андреева «Завоевание природы», выпущенной Госиздатом в 1927 году в серии «Книжная полка рабочего», значится: «Яша! Прочти ка эту книжку обязательно. И. Ст.». На книге Гальдерса «Воздушная война 1936 года», опубликованной Государственным военным издательством в 1932 году, размашисто наискосок пером начертано: «Ваське Красному<sup>77</sup> от И. Сталина. На память. 24/III 34 г. Москва». К младшему сыну обращена и дарственная надпись на одном из экземпляров самого известного труда вождя — «История ВКП(б). Краткий курс». В сталинской биографии — а как вы помните, он лично ее редактировал — о «Кратком курсе» написано буквально следующее: «В 1938 году вышла в свет книга „История ВКП(б). Краткий курс“,

написанная товарищем Сталиным и одобренная комиссией ЦК ВКП(б)»<sup>78</sup>.

Текст подарочного издания под малиновой обложкой расчерчен цветными карандашами — генсек лично подчеркнул самые важные, на его взгляд, пассажи, обвел ключевые даты и номера пунктов в выводах. Цвет подчеркиваний зависит от содержания: например, красным карандашом Сталин подчеркнул все, что говорится о Ленине и большевиках, а сиреневым — то, что относится к Мартову, меньшевикам и прочим оппозиционерам.

Ничто не должно было отвлекать от изучения канонических текстов. 16 февраля 1939 года генсек направил в Детиздат ЦК ВЛКСМ записку о рукописи Смирновой «Рассказы о детстве Сталина». «...Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений... — констатирует он. — Главное... что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно и вредно. Теория „героев и толпы“ есть не большевистская, а эсеровская теория... Книжка льет воду на мельницу эсеров... будет вредить нашему общему большевистскому делу»<sup>79</sup>. Сталинский приговор суров: «Советую сжечь книжку». Как видим, вождь строго следил за тем, как именно фальсифицируется история, и никому не позволял переходить очерченную им самим границу.

Работая над текстом «Краткого курса», генсек вычеркнул из макета наиболее апологетически звучащие пассажи, например такой: «...В 1908 г. по приказу тюремного начальства рота солдат Сальянского полка избивала политических, арестованных в Баилдовской тюрьме в Баку, где в то время сидел товарищ Сталин. Когда политических заключенных пропускали „сквозь строй“, Сталин шел, не сгибая головы, под ударами прикладов с книжкой в руке. Мужество и стойкость товарища Сталина поддерживали дух у остальных заключенных»<sup>80</sup>. Надо сказать, что генсек всегда был внимательным и требовательным редактором. Так, в первом варианте «Краткого курса» он не пропустил фразу: «Правые завязывали тесные связи с фашистскими разведками». Недовольный своими историографами вождь написал: «Не было еще тогда фашистских разведок (в 1929 г.)». В макете он изменил названия глав и параграфов, которые не соответствовали его концепции партийной истории как истории борьбы большевиков со

своими врагами. Редактурой генсек не удовлетворился — он включил в текст обширные фрагменты собственного сочинения<sup>81</sup>.

Историки, первыми опубликовавшие и анализирувавшие потаенные сталинские пометки на прочитанных книгах, отмечали, что вождя в известной мере «мучила» проблема, какое общество построено под его руководством. Вот его правка в учебнике по истории СССР выпуска 1937 года. В библиотеке учебник представлен в двух экземплярах. В одном Сталин вычеркнул фразу: «У нас построен социализм». Он явно подыскивает название для последней главы «Социализм в СССР построен». Вместо «построен» он сначала написал «победил». Затем в другом экземпляре — «Строительство социализма в СССР». А вот генсек читает с карандашом в руках рукопись пьесы А. Н. Афиногенова «Ложь» и правит реплику одного из персонажей. Тот спрашивает: «Повернуться лицом к подхалимам и хамелеонам? К системе магометанского социализма?» Вместо «магометанского» Сталин вписывает «приказного».

«Идеал минимальных потребностей органично вытекал из ориентаций на уравнилительноказарменный вариант социализма, — заключают О. В. Волобуев и С. В. Кулешов. — Это во многом был идеал самого Сталина. Не случайно он с интересом и одобрением относился к спартанскому воспитанию. В одном из учебников он вычеркнул фразу: „У детей в Спарте была безрадостная жизнь, жизнь без веселья и ласки“»<sup>82</sup>.

Известный американский историк и политолог Р. Такер и другие исследователи отмечали, что почерпнутое из книг по истории повлияло на формирование политических представлений Сталина. Естественно, это влияние нельзя понимать буквально — исторические образы трансформировались. Вот две книги из сталинской библиотеки — «Очерки истории Римской империи» Р. Ю. Виппера и «История Древнего мира» С. Г. Лозинского. Обе содержат пометки вождя, в том числе и на страницах, посвященных принципату Октавиана Августа. Так, у Виппера подчеркнуты слова «подготовка принципата». У Лозинского интерес генсека вызвали, в частности, пассажи об Октавиане Августе и Юлии Цезаре. Им подчеркнуты слова «первый гражданин, принцепс... верховный правитель» об Октавиане и то место о Цезаре, где говорится, что он принял титул «вождь-победитель» (император).

Вот как характеризует особенности правления первых императоров признанный специалист

по древнеримской истории Г. С. Кнабе. «Власть Августа основывалась на военной силе и юридически оформленных полномочиях, но он постоянно и усиленно заботился о том, чтобы в массовом сознании она опиралась на представления иного порядка, лишённые четкого правового содержания, в которых легенда стала народным чувством, а традиция — общественной психологией: власть отца семьи над членами фамилии, право вождя племени вершить суд, круговую поруку, соединявшую полководца и солдат, покровительство патрона клиентам, авторитетность в общественных делах, первое место в списке сенаторов. ... В определенных условиях почти все они [первые императоры. — Авт.] подчеркивали, что считают себя не монархами, а гражданами республиканского государства, лишь получившими от сената и народа особенно широкие полномочия». Не правда ли, прослеживаются общие черты со сталинским режимом?

Грустные мысли навевают подчеркивания вождя в главке о диктатуре Суллы. Заинтересовало его не что иное, как проскрипции. Так именовались публиковавшиеся списки лиц, объявленных вне закона. Списки составлялись без суда и следствия, без указаний мотивов, часто по доносу. Имущество проскрибированных конфисковывалось, а их самих каждый гражданин мог и должен был убить.

В книге «Курс русской истории», изданной в 1916 году в Петрограде, Сталин подчеркнул следующие слова: «Чингис-хан перебил много людей, говоря: „Смерть побежденных нужна для спокойствия победителей“».

Опыт знаменитого завоевателя генсек хотел применить на практике. Он отметил в тексте то место, где рассказывалось, как в монголо-татарской армии считали воинов. Делалось ограждение, вмещавшее тысячу человек, куда загоняли воинов, уже не считая. Загнали 10 раз — вот и тумен во главе с темником. Так и «пересчитывали» все войско, тумен за туменом. На полях Сталин сделал пометку: «Об этом надо сказать нашим военным. Таким способом можно считать военнопленных»<sup>83</sup>. Здесь, как говорится, комментарии излишни.

Обратимся теперь к самому большому разделу сталинской библиотеки. В нем представлена русская, советская и зарубежная художественная литература. К ней примыкали и мемуары, среди которых было много эмигрантских изданий. Здесь можно было найти и воспоминания британских разведчиков, работавших в России в 20-х годах,



Сталин с детьми. Фотография Н. С. Власика.

и «Очерки русской смуты» генерала Деникина, и рассказы Аркадия Аверченко, и книги министра иностранных дел Временного правительства профессора Милюкова, и многое другое. Большинство подобных книг при их обнаружении в Советской России автоматически гарантировали своему владельцу длительный (как минимум десятилетний) срок тюремного заключения. Однако для узкого круга высших чиновников подобные меры карательного воздействия за хранение антисоветской литературы не предусматривались.

Партийно-государственное руководство имело возможность знакомиться с любой литературой. Специально для них переводили и ограниченным тиражом издавали наиболее важные и актуальные зарубежные книги. Так, в 1933 году, после прихода Гитлера к власти, была переведена и небольшим тиражом издана его печально известная «Майн кампф». По указанию вождя эта книга в песочно-желтом переплете со свастикой в углу была разослана членам ЦК и ЦКК. Сохранился экземпляр, направленный Калинину. На первой странице красуется отзыв «всесоюзного старосты»: «Многосложно бессодержательно для мелких лавочников»<sup>84</sup>.

Пометы на страницах книг белоэмигрантов говорят о том, что со всей этой литературой Сталин знакомился очень внимательно. Так, читая воспоминания Деникина, он подчеркнул замечание белого генерала о том, что «в будущей войне

с Германией русские офицеры-патриоты не будут воевать на стороне немцев». Вождь, очевидно, рассчитывал на это. Как хорошо известно, его надежды оправдались лишь частично. Во многих книгах и журналах отчеркивания сделаны разными карандашами и явно в разное время, что свидетельствует: вождь неоднократно перечитывал эти издания. Так, Сталин часто обращался к книгам Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Лескова, Чехова и многих других русских писателей, по привычке прямо на полях записывая впечатления от прочитанного. Ссылки на вышеупомянутых авторов встречаются в выступлениях вождя. А вот и пометки на страницах произведений. Читая «Послание пошехонцам» Салтыкова-Щедрина, Сталин подчеркивает: «Пишите, мерзавцы, доносы».

Наиболее подробно исследовано, как генсек с карандашом в руках читал Льва Толстого и Достоевского<sup>85</sup>. Примечательно, что вождь, много читая сам, подданных своих в чтении, особенно таких авторов, ограничивал. Здесь на переднем плане все тот же прагматизм: писатель великий (надо использовать), беспокоит же возможная бесконтрольность усвоения массами («критика должна помочь читателям и особенно молодежи»). Отсюда и пути решения вставшей проблемы: поменьше самих авторских текстов, побольше промывающей мозги «критики».

До нас дошли некоторые сталинские оценки, которые он давал писателям во время различ-



С. И. Аллилуева с первым мужем Г. И. Морозовым.

ных бесед и встреч. «Я, — пересказывал Джилас разговор со Сталиным в 1948 году, — с ранней молодости считал Достоевского во многом самым большим писателем нашего времени и никак не мог согласиться с тем, что его атакуют марксисты.

Сталин на это ответил просто:

— Великий писатель — и великий реакционер. Мы его не печатаем, потому что он плохо влияет на молодежь. Но писатель великий!

Мы перешли к Горькому. Я сказал, что считаю самым значительным его произведение — как по методу, так и по глубине изображения русской революции — „Жизнь Клима Самгина“.

Но Сталин не согласился, обойдя тему о методе:

— Нет, лучшие его вещи те, которые он написал раньше: „Городок Окуров“, рассказы и „Фома Гордеев“. Что же касается изображения русской революции в „Климе Самгине“, так там очень мало революции и всего один большевик — как бишь его звали: Лютиков, Лютов?!

Я поправил:

— Кутузов, Лютов совсем другое лицо.

Сталин продолжал:

— Да, Кутузов! Революция там показана односторонне и недостаточно, а с литературной точки зрения его ранние произведения лучше<sup>86</sup>.

Наиболее известна «рецензия» на «Девушку и Смерть» Горького: «Эта штука сильнее,

чем „Фауст“ Гете (любовь побеждает смерть). 11/Х.31 г. И. Стал[ин]».

Рекомендовал товарищ Сталин не забывать и Куприна. Оценка его творчества передана Шепиловым со слов Жданова: «Он дал „Молоха“ — яркое обличение капиталистического свинства, буржуазной морали. Он дал „Поединок“ — правдивое полотно о царской армии, с её духом беспорядка, палочной дисциплины и иными тяжкими пороками».

Показательны замечания вождя на книге Анатоля Франса «Последние страницы. Диалоги под розой». В той части предисловия, где отмечалось, что Франс не успел написать «Диалог о Любви и о Смерти», Сталин написал: «Жаль, что не успел».

И Шолохов прибегал к покровительству «своего вождя»<sup>87</sup>. В октябре 1938 года генсек, устроив Михаилу Александровичу «очную ставку» с сотрудниками НКВД во главе с Ежовым в своем кремлевском кабинете, не только не позволил арестовать писателя, но и милостиво разрешил тому общаться с бывшими белогвардейцами. Сталин разъяснил непонятливым сотрудникам органов: «Как же писатель должен писать о белогвардейцах и не знать, чем они дышат?»<sup>88</sup>

Советских литераторов генсек часто оценивал в зависимости от того, могут ли они «дать» что-либо полезное его режиму в идеологическом плане. Сошлемся на весьма показательные рас-

суждения вождя во время проработки писателей на состоявшемся 9 августа 1946 года заседании Оргбюро ЦК ВКП(б). На повестке дня — печально знаменитый вопрос «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“»:

«СТАЛИН. Анна Ахматова, кроме того, что у нее есть старое имя, что еще можно найти у нее?

ПРОКОФЬЕВ. В сочинениях послевоенного периода можно найти ряд хороших стихов. Это стихотворение „Первая дальнбойная“ о Ленинграде.

СТАЛИН. 1–2–3 стихотворения и обчелся, больше нет.

ПРОКОФЬЕВ. Стихов на актуальную тему мало, но она поэтесса со старыми устоями, уже утвердившимися мнениями и уже не сможет, Иосиф Виссарионович, дать что-то новое.

СТАЛИН. Тогда пусть печатается в другом месте где-либо, почему в „Звезде“?

ПРОКОФЬЕВ. Должен сказать, что то, что мы отвергли в „Звезде“, печаталось в „Знамени“.

СТАЛИН. Мы и до „Знамени“ доберемся, доберемся до всех...»<sup>89</sup>.

Красочные описания того, как «добирался» до всех литераторов и других деятелей искусства возглавляемый Ждановым сталинский агитпроп, содержатся в воспоминаниях Шепилова. Жданов, как правило, уже на следующий день, вынув из кармана изрядно замусоленную записную книжку, передавал своим подчиненным указания вождя. Вот один пример. «Доведение критики художественных произведений до серьезных политических обвинений имело особенно серьезное значение, когда речь шла о произведениях, созданных в национальных республиках. Так было, в частности, в описываемый период с творчеством известного украинского поэта В. Сосюры<sup>90</sup>. Он опубликовал стихотворение „Люби Украину“

*Люби Украину, как солнце, как свет,*

*Как ветер, и травы, и воды...*

*Люби Украину — простор вековой,*

*Гордись ты своей Украиной,*

*Красой её, новой и вечно живой*

*И речью её соловьиной...*

Сталин нашел, что это — воспевание „Украины вообще“, „вне времени и пространства“, „извечной Украины“. Значит, это „националистический подход“. Под таким творчеством-де подпишется „любой недруг украинского народа из националистического лагеря, скажем Петлюра<sup>91</sup>, Бандера<sup>92</sup> и т. п.“

Конечно, Сталин не мог обойтись без острых блюд. Поэтому и здесь критика доводится до отождествления автора с Бандерой и Петлюрой. В итоге В. Сосюра был обвинен в национализме. Все характеристики, данные стихотворению и автору Сталиным, нашли отражение в большой редакционной статье в „Правде“. И никакие силы в мире не могли теперь избавить автора от инкриминируемой ему вины»<sup>93</sup>.

В начале 40-х генсек стал анонимным соавтором Корнейчука<sup>94</sup>. Расскажем об этом поподробнее. С 24 по 27 августа 1942 года «Правда» печатала «Фронт» — новую пьесу украинского драматурга. Ее сюжет заключается в конфликте между ретроградом командующим фронтом генерал-лейтенантом Горловым и молодым образованным генералом Огневым. Герой Гражданской войны Горлов почивает на лаврах, учиться ничему не желает. Огнев, напротив, способен к совершенствованию. Он видит недостатки командующего фронтом, не согласен с его решениями. Разработанный Огневом альтернативный план наступательной операции утверждается Сталиным. После успеха операции Верховный назначает Огнева на место Горлова.

Тимошенко, усмотревший в образе Горлова намек на себя, 28 августа шлет Верховному телеграмму-кляузу: «Тов. Сталину. Опубликованная в печати пьеса тов. Корнейчука „Фронт“ заслуживает особого внимания. Эта пьеса вредит нам целыми веками, ее нужно изъять, автора привлечь к ответственности. Виновных в связи с этим следует разобрать».

Не знал, бедняга, что Сталин редактировал пьесу и кое-что вписал в текст сам. Например, такой пассаж: «Много еще у нас некультурных командиров, не понимающих современной войны, и в этом наша беда. Войну нельзя выиграть одной лишь храбростью. Чтобы выиграть войну, кроме храбрости нужно еще умение воевать, умение воевать по-современному. Опыт Гражданской войны для этого недостаточен». Вождь-драматург почти полностью написал монолог члена Военного совета фронта: «Сталин говорит, что нужно смелее выдвигать на руководящие должности молодых, талантливых полководцев... Надо бить самовлюбленных невежд, бить в кровь, вдребезги и поскорее заменить их другими, новыми, молодыми, талантливыми людьми, иначе можно загубить наше великое дело...»

С ответом маршалу Верховный не замедлил.

«28 авг.

Маршалу Тимошенко. Вашу телеграмму о пьесе Корнейчука „Фронт“ получил. В оценке пьесы Вы не правы. Пьеса будет иметь большое воспитательное значение для Красной Армии и ее комсостава.

Пьеса правильно отмечает недостатки Красной Армии, и было бы неправильно закрывать глаза на эти недостатки и принять меры к их ликвидации. Это единственный путь улучшения и усовершенствования Красной Армии».

Свой ответ и жалобу Тимошенко вождь переслал Корнейчуку. Тот, воспользовавшись случаем, благодарил и жаловался на недоброжелателей, ища защиты на будущее у земного божества-покровителя:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Сердечно благодарю Вас за внимание. Прочитал телеграмму и Ваш ответ. Насколько я понял, тов. Тимошенко требует, чтобы меня судили за пьесу. Это еще не так страшно, так как неизвестные „благородные“ читатели дают мне клятвенное обещание по телефону, что обязательно поломают мне кости. Живу надеждой, что они не набросятся на меня все вместе, а поодиночке. С божьей помощью выдержу. Запорожский дух еще не погас.

С глубоким уважением  
Александр Корнейчук».

По сталинскому велению пьесу поставили в нескольких театрах, сняли по ней фильм, в центральных и фронтовых газетах напечатали благожелательные рецензии. Беседуя со своими военачальниками, Верховный выпытывал их мнение. Попался еще один ничего не подозревавший о драматургических талантах вождя — Конев. На вопрос Сталина он простодушно ответил: «Очень плохое... Когда командующего фронтом шельмуют, высмеивают в произведении, напечатанном в „Правде“, это уже имеет не частное значение, речь идет не о ком-то одном, это бросает тень на всех», — за что тут же получил выговор: «Ничего вы не понимаете. Это политический вопрос, политическая необходимость. В этой пьесе идет борьба с отжившим, устарелым, с теми, кто тянет нас назад. Это хорошая пьеса, в ней правильно поставлен вопрос». Конев, продолжая откровенничать — дескать, в пьесе много неправды, — начал оправдываться: «Я не защищаю Горлова, я скорей из людей, которых подразумевают под Огневым, но в пьесе мне все это не нравится». «Ну да, вы Огнев! — поставил на место генерал-полковника

Верховный. — Вы не Огнев, вы зазнались... Вы, военные, вы все понимаете, вы все знаете, а мы, гражданские, не понимаем. Мы лучше вас это понимаем, что надо и что не надо».

Присутствовавший при выволочке более опытный «придворный», Жуков, кое-как выкрутился, сославшись на то, что пьесу еще не читал. Вскоре Сталин потребовал от членов военных советов фронтов направить ему донесения с мнением всех высших генералов о пьесе Корнейчука. Там тоже нашлись простодушные. Булганин спешно донес слова командующего артиллерией Западного фронта: «Я бы не знаю что сделал с этим писателем... Я бы с ним разделался за такую пьесу». Говорят, что только заступничество Конева спасло генерала от неприятностей<sup>95</sup>.

Никак генералы не могли уразуметь, что за свои просчеты в кампаниях этой войны вождь отвечать не собирался. Ответственность за них он, по обыкновению, перекладывал на других. Так было в начале войны с командующим Западным фронтом Павловым<sup>96</sup> и его заместителями. Так будет и впредь.

Что же касается зрителей и читателей, то тут сталинские расчеты оказались верными. Они в массе своей согласились с данной в пьесе трактовкой причин поражений Красной армии. Сталин в очередной раз вывел себя из-под критики, хотя именно он расставлял героев Гражданской войны по командным постам.

Исследователи справедливо указывают на своеобразие критериев, с помощью которых генсек оценивал человеческую личность. Наглядно это видно из его заметок на форзаце ленинской книги «Материализм и эмпириокритицизм», изданной в 1939 году. Вот они: «1) слабость, 2) лень, 3) глупость — единственное, что может быть названо пороками. Все остальное — при отсутствии вышеуказанного — составляет, несомненно, добродетель. NB! Если человек 1) силен (духовно), 2) деятелен, 3) умен (или способен) — то он хороший, независимо от любых иных „пороков“. (1) и (3) дают (2). Увы, увы! И что же видим мы»<sup>97</sup>.

Там, где отсутствовали нравственные критерии, никакая библиотека не могла помочь.

Следующие по соседству с библиотекой — комнаты № 3 и № 4.

После войны третья комната значилась резервной. Достаточно большая площадь — 29 м<sup>2</sup> — позволяла использовать ее для хранения подарков, преподнесенных вождю. В довоенные



Библиотека.

же годы она была известна как гостевая. Многим это кажется невероятным, но в жизни кунцевского затворника были периоды, когда он любил принимать гостей. Прежде всего это были люди из так называемого ближнего круга.

Многие без труда назовут фамилии Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна, Жданова,

Берии, Маленкова, Хрущева. Кто-то припомнит Андреева, Кирова, Енукидзе, Орджоникидзе, Куйбышева, Кузнецова, Булганина и других соратников. Однако не все из них удаивались привилегии проводить время с вождем не только во время официальных застолий, а, так сказать, в интимной обстановке.

Чести поужинать наедине с вождем удаивались не только сподвижники, но и деятели искусств. Кинорежиссер Михаил Чиаурели, лично знавший Сталина, иногда был зван на «Ближнюю» отужинать и побеседовать, а то и поиграть в шахматы. Сталин играл не очень хорошо, но позволял себе расслабиться, сыграв одну–две партии. Об одном таком шахматном сеансе Чиаурели и рассказал незадолго до своей смерти.

Партия протекала в молчании. Вдруг с тяжелой вздохом вождь произнес: «Приснитса же такое!» Через некоторое время Сталин повторил реплику и, выдержав паузу, пояснил партнеру: «Понимаешь, приснилось мне недавно, что ты стоишь рядом со мной и целишься в меня из пистолета...» Потрясенный Чиаурели не нашелся, что ответить. Вскоре вождь смешал фигуры, прервав игру.

Оставленный хозяином дачи ночевать гость долго не мог заснуть. Вдруг он услышал шаги и увидел в дверях фигуру Сталина. От страха режиссер зажмурил глаза и притворился спящим. Сталин подошел к дивану и долго в темноте смотрел на гостя. Чиаурели очень боялся, что чем–то себя выдаст, но все обошлось: вождь, постояв довольно долго, удалился к себе в спальню<sup>98</sup>.

С 1934 по 1939 год произошло «обновление» всех руководящих парторганов. Из членов ЦК, избранных на XVII съезде, остались только 16 человек — Сталин и его окружение. Сменили уководство крайкомов и обкомов, почистили райкомы, аппарат Советов и наркоматов. Сталин убрал всех так называемых старых большевиков. На их место пришли десятки тысяч сталинских «выдвиженцев», ориентированных на «сталинскую правду», усвоивших командный стиль руководства. Типичным представителем новой генерации партийных руководителей был Брежнев, ставший в феврале 1939 года секретарем Днепропетровского обкома.

Итак, внутренние враги Сталина раздавлены. Но еще живы внешние. И прежде всего главный личный враг — «раскольник мирового коммунистического движения» Троцкий.

Легендарный чекист Павел Судоплатов<sup>4</sup> вспоминал, как в марте 1939 года сопровождал Берия к Сталину в Кремль<sup>99</sup>. Во время беседы генсек заявил: «В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена...

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

— Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война...»<sup>100</sup>.

О том, как Сталин в мае<sup>101</sup> 1940 года инструктировал исполнителей на «Ближней», читаем у того же Судоплатова. Весьма вероятно, что первая часть встречи проходила в четвертой, рабочей, комнате; где гости отужинали, разведчик не уточнил.

«На этот раз мы [Судоплатов и Берия. — *Авт.*] поехали к Сталину на ближнюю дачу, находившуюся в полчасе езды к западу от Москвы<sup>102</sup>. Первая часть встречи была весьма недолгой. Я доложил о неудачной попытке Сикейроса ликвидировать Троцкого, объяснив, что альтернативный план означает угрозу потерять антитроцкистскую сеть в Соединенных Штатах и Латинской Америке после уничтожения Троцкого.

Сталин задал всего один вопрос:

— В какой мере агентурная сеть в Соединенных Штатах и Мексике, которой руководит Овакимян, задействована в операции против Троцкого?

Я ответил, что операция Эйтингона, которому даны специальные полномочия самостоятельно вербовать и привлекать людей без санкции Центра, совершенно независимо от Овакимяна, чья разведывательная деятельность под прикрытием нашей фирмы „Амторг“ осуществляется вне связи с акцией против Троцкого.

Сталин подтвердил свое прежнее решение, заметив:

— Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом. Приступите к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия...

Время было уже позднее, одиннадцать вечера, и Сталин предложил Берии и мне остаться на ужин. Помню, еда была самая простая. Сталин, подшучивая над тем, что я не пью, предложил мне попробовать грузинского вина пополам с шипучей водой „Лагидзе“. Эта вода ежедневно доставлялась ему самолетом из Грузии. Вопреки тому, что пишут об этом сейчас, Сталин вовсе не был в ярости из–за неудачного покушения



Книжные шкафы библиотеки генсека.

на Троцкого. Если он и был сердит, то хорошо маскировал это. Внешне он выглядел спокойным и готовым довести до конца операцию по уничтожению своего противника, поставив на карту судьбу всей агентурной сети в окружении Троцкого»<sup>103</sup>.

Заметим в скобках: сталинское умение маскировать свои чувства отмечали многие из тех, кому довелось с ним встречаться. Так, Милован Джилас, давший сравнительную характеристику

Сталина и Молотова, отметив холодность и расчетливость обоих, писал: «Однако у Сталина была страстная натура со множеством лиц, причем каждое из них было настолько убедительно, что казалось, что он никогда не притворяется, а всегда искренне переживает каждую из своих ролей»<sup>104</sup>.

Примечательно, что решение, увенчавшее операцию по ликвидации Троцкого, было, скорее всего, принято там же, где вождь давал



Северный фасад «Ближней». За этими окнами, в одной из комнат первого этажа, размещалась библиотека генсека.

инструктаж Берии и Судоплатову. Сотрудники охраны рассказывали, что свою обширную корреспонденцию и ежедневную периодическую литературу Сталин любил просматривать именно в четвертой комнате. 6 июня 1941 года на «Ближнюю» был доставлен срочный пакет с запиской наркома внутренних дел. Берия просил наградить орденами шестерых работников НКВД, выполнявших специальное задание. Резолюция Сталина на документе была краткой: «За» (без публикации).

Орденом Ленина были награждены мать Меркадера Каридад и Эйтингон, орденом Красного Знамени — Судоплатов и Лев Василевский, орденом Красной Звезды — Павел Пастельник и уже знакомый нам Иосиф Григулевич. Самого Меркадера награда нашла только в 60-е годы, после его освобождения из мексиканской тюрьмы и переезда в Москву. Рамону Ивановичу Лопесу (под таким именем проживал Меркадер в СССР) было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая звезда».

Обслуживающий персонал «Ближней» утверждал, что четвертая комната была одним из любимых помещений вождя. В этой 40-метровой комнате он часто отдыхал, завтракал и обедал, пил чай, работал с документами за круглым столом у окна. Генсек не только читал почту — часто здесь же он сразу и отвечал на письма.

Широко известно, что в годы войны Сталин вел регулярную переписку с главами государств антигитлеровской коалиции, сначала с Черчиллем и Рузвельтом, затем с Эттли и Труменом. Случалось, тексты посланий Председателя Совета Министров СССР рождались на «Ближней». Так, 3 октября 1941 года генсек приема в Кремле не вел и вполне мог написать письмо Черчиллю, расположившись в четвертой комнате<sup>105</sup>.

Как мы уже рассказывали, традиция принимать здесь посетителей сохранилась и после объединения комнат в 1951 году. Поскольку частую гости вождя беседовали с ним именно здесь, то многие про себя называли эту комнату кабинетом.

Вот каким увидел кабинет вождя Милован Джилас в мае 1944 года: «Он [Сталин. — *Авт.*] ввел нас в свой небольшой и, как ни странно, почти пустой кабинет — без книг, без картин, с голыми деревянными стенами. Мы сели возле небольшого письменного стола, и он сразу начал расспрашивать о событиях вокруг югославского Верховного штаба...

— Они перемрут с голоду! — волновался он.

Но я доказывал ему, что этого не может произойти.

— Как не может? — продолжал он. — Сколько раз бывало, что борцов уничтожал голод! Голод — это страшный противник любой армии.

Я объяснил ему:

— Местность там такая, что всегда можно найти какую-нибудь еду. Мы бывали и в гораздо более тяжелых положениях, и нас не сломил голод.

Мне удалось его убедить и успокоить.

...Мой оптимизм... явно привел Сталина в хорошее настроение, и он перешел к нашим отношениям с союзниками, в первую очередь с Великобританией, что и было — как мне уже тогда показалось — главной целью этой встречи со мной.

Сущность его мыслей состояла, с одной стороны, в том, что не надо «пугать» англичан — под этим он подразумевал, что следует избегать всего, вызывающего у них тревогу в связи с тем, что в Югославии революция и к власти придут коммунисты.

— Зачем вам красные пятиконечные звезды на шапках? Не форма важна, а результаты, а вы — красные звезды! Ей-богу, звезды не нужны! — сердился Сталин.

Но он не скрывал, что его раздражение велико, — это был только упрек...

— А вы, может быть, думаете, что мы, если мы союзники англичан, забыли, кто они и кто Черчилль? У них нет большей радости, чем нагадить своим союзникам, — в Первой мировой войне они постоянно подводили и русских, и французов. А Черчилль? Черчилль, он такой, что, если не побережешься, он у тебя копейку из кармана утянет. Да, копейку из кармана! Ей-богу, копейку из кармана! А Рузвельт? Рузвельт не такой — он засовывает руку только за кусками покрупнее. А Черчилль? Черчилль — и за копейкой.

Он несколько раз повторил, что нам следует опасаться «Интеллидженс сервис» и коварства — особенно английского — в отношении жизни Тито...

Суммируя сегодня впечатления того вечера, мне кажется, что я мог бы сделать следующие выводы: Сталин сознательно запугивал югославских руководителей, чтобы ослабить их контакты с Западом, одновременно стараясь подчинить своим интересам их политику, превратить ее в придаток своей западной политики, в особенности в отношениях с Великобританией.

Основываясь на своих идеях и практике и на собственном историческом опыте, он считал надежным только то, что зажато в его кулаке; каждого же, находящегося вне его полицейского контроля, он считал своим потенциальным противником»<sup>106</sup>.

Вернемся к разговору о контроле над генералитетом и армией в целом. Давайте, как обычно, обратимся к документам.

В феврале 1946 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Накануне перед «представителями» избирателей своего, Сталинского, округа столицы выступил сам «отец народов». Как уже бывало, в выступлении сохранились прямые угрозы. Речь шла о победителях, считающих, что их нельзя ни критиковать, ни проверять, ни судить. «Победителей можно и нужно судить, — с обычной категоричностью поведал вождь под смех и аплодисменты зала. — Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности». Из контекста следовало, что имелся в виду суд избирателей над правящей партией. Однако уже вскоре выяснилось, что не только: сталинской опале подверглись вполне конкретные лица, в первую очередь — представители генералитета.

Широко известна опала маршала Жукова, сосланного Сталиным сначала в Одесский, а затем в Уральский военный округ. Менее известны «дела» других генералов. За настроениями генералов, особенно близких к Жукову и за ним самим, по указанию Сталина следили органы госбезопасности и регулярно его информировали. Так, 3 января 1947 года Абакумов направил вождю донесение следующего содержания:

«Представляю при этом справку о зафиксированном оперативной техникой 31 декабря 1946 года разговоре Гордова<sup>5</sup> со своей женой и справку о состоявшемся 28 декабря разговоре Гордова с Рыбальченко»<sup>107</sup>.

Из этих материалов видно, что Гордов и Рыбальченко являются явными врагами Советской власти.

Счел необходимым еще раз просить Вашего разрешения арестовать Гордова и Рыбальченко»<sup>108</sup>.

Начштаба прибыл в Москву проездом из Сочи в Куйбышев и остановился на квартире своего командира. Давайте вслед за Абакумовым и Сталиным послушаем разговор ничего не подозревавших о «прослушке» генералов. Попробуем разобраться, чем прогневали они



Трубка Хозяина. Длина — 14 см.

генсека и насколько наказание было адекватно «преступлению».

«Рыбальченко. — Нет самого необходимого. Буквально нищими стали. Живет только правительство, а широкие массы нищенствуют. Я вот удивляюсь, неужели Сталин не видит, как люди живут?

Гордов. — Он все видит, все знает.

Рыбальченко. — Или он так запутался, что не знает, как выпутаться?! Выполнен 1-й год пятилетки, рапортуют, — ну что пыль в глаза пускать?! ... А вот Жуков смирился, несет службу.

Гордов. — Формально службу несет, а душевно ему не нравится...

Рыбальченко. — Да. Народ внешне нигде не показывает своего недовольства, внешне все в порядке, а народ умирает.

Гордов. — Едят кошек, собак, крыс.

Рыбальченко. — Раньше нам все-таки помогли из-за границы.

Гордов. — Дожили, теперь они ничего не дают. И ничего у нас нет.

Рыбальченко. — Народ голодает, как собаки, народ очень недоволен.

Гордов. — Но народ молчит, боится.

Рыбальченко. — И никаких перспектив, полная изоляция.

Гордов. — Никак мы не можем осуществить лозунга: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» Ни х..., все пошло насмарку!

Рыбальченко. — Да не вышло ничего.

Гордов. — Вышло бы, если все это своевременно сделать. Нам нужно было иметь настоящую демократию.

Рыбальченко. — Именно, чистую, настоящую демократию, чтобы постепенно все это делать. А то все разрушается, все смешалось...»<sup>109</sup>.

Итак, Сталин прочел донесение своего министра на «Ближней», возможно, именно в этой комнате: до 7 января приема в Кремле он не вел. Прочел и распорядился — арестовать. Как видим, недовольство вождем, его окружением или положением в стране, высказанные даже

не публично, а в самом узком кругу, приводили к аресту. Гордов, его заместитель Кулик<sup>110</sup> и Рыбальченко просидели три года в тюрьме без суда. Лишь в августе 1950 года Военная коллегия Верховного суда СССР всех их признала виновными в том, что, будучи антисоветски настроенными, они высказывали клеветнические суждения о мероприятиях партии и правительства, террористические угрозы по адресу Сталина, заявляли о намерении изменить Родине и организовали заговорщическую группу для борьбы с советской властью. На суде все трое обвиняемых от своих предварительных показаний отказались, заявив о применении к ним мер физического и психологического воздействия (карцер, избие-

ния, угрозы). Несмотря на это, генералы были расстреляны.

В октябре 1941 года был издан приказ наркома обороны СССР № 0391 «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». В нем констатировались «частые случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров». Таким образом, партийно-государственное руководство страны опять переложило вину на армию. Приказ наркома предписывал бороться со всеми явлениями незаконных репрессий. Право карать и миловать партийное руководство считало своей исключительной прерогативой.

## Служебный дом

Служебное помещение для сотрудников охраны и обслуживающего персонала располагается с западной стороны от Главного дома и соединяется с ним 25-метровым коридором. Кое-кто из гостей, подъезжавших к служебному дому через ворота № 3 и № 2, не видел Главного дома и считал, что Сталин живет в небольшом одноэтажном доме. Служебное здание действительно казалось небольшим, так как просматривалось только с западной стороны и выглядело более чем скромно. Окрашенное, как и Главный дом, в темно-зеленый цвет, закрытое густыми кустами, оно издали было почти незаметно, тем более что низкорослые липы, посаженные близко друг к другу по обеим сторонам ведущей от ворот № 2 дороги, скрывали листвой веранду столовой и кухню, оставляя взору посетителей только центральный вход служебного дома.

В служебном доме кроме кухни и столовой для сотрудников, работавших на объекте, находились комната дежурного, кабинеты руководителей охраны, жилые комнаты обслуживающего персонала и другие хозяйственные помещения. Сталинские гости из числа членов Политбюро или высшего командного состава попадали к нему через прихожую Главного дома. Гости рангом ниже — через служебный дом, но отнюдь не через центральный его вход. Эта дверь всегда была на запоре. Воспользоваться ею могли начальник охраны, комендант объекта и его заместитель по хозяйственной части:

только у них были ключи. Гости же, подъехав к служебному дому на машине, поднимались по ступенькам на террасу справа от центрального входа и поворачивали налево, в комнату дежурного.

Комната эта имеет одну особенность: она вынесена за периметр здания, благодаря чему обзор из ее окон составляет 270 градусов. Таким образом, заступавший на дежурство офицер мог визуально контролировать подъездные пути не только к служебному, но и к Главному дому.

Обстановка в комнате дежурного была скудной. Помимо шкафов, стола и стульев здесь еще стояла напольная вешалка для одежды гостей и сотрудников. На западной стене висели часы с маятником. Сразу обращает на себя внимание металлический стеновой шкаф слева. Внутри — телефонные блоки для подключения правительственной связи, спецсвязи, городских телефонов. На столе у дежурного — специальный внутренний коммутатор. Это прямая связь с руководителями охраны, с постами на воротах, а также с внутренними телефонами, находящимися в Главном и Малом доме, бильярдной и других помещениях «Ближней». Таким образом, к дежурному стекалась информация со всего объекта.

Сюда же приезжали фельдъегери. Красные пакеты с надписью «Лично товарищу Сталину» они сдавали старшему офицеру комендатуры дачи. Иногда в присутствии прикрепленного вручали пакет непосредственно генсеку.